

Измученный, Гарри взлетел на дерево, его крылья устало били по воздуху. Снейп предупредил, чтобы он не хранил воспоминания слишком долго, но оплакивать друзей Гарри будет потом. Он издал тихую, скорбную трель. Сейчас ему нужна была еда и отдых. С едой все было просто: неподалеку росла рябина, ветви которой были усыпаны красными ягодами. Но, едва он полетел к ней, дерево встрепенулось и пошло навстречу. Гарри уставился на него, не веря своим глазам: другое дерево, зашуршав листвой, сделало шаг к нему. Он встревоженно чирикнул, собираясь улететь, но тут глубокий, звенящий голос прозвучал рядом: — Что с тобой, дитя? Гарри дико огляделся, пытаясь найти источник голоса. Недавно ослабленный контроль над Окклюменцией позволил ему разобрать язык существа — эльфа, — с которым он недавно столкнулся. Но эльфа нигде не было. Зато дерево зашуршало и зашевелилось. Ветви тянулись к поляне, где приземлился Гарри, корни шелестели, словно взволнованные. Обветренный ствол смотрел на него снизу вверх, добрые глаза мерцали за кольцом новых, бледных побегов, появившихся по всему его лицу. Дерево, должно быть, заметило, что Гарри смотрит на побеги, потому что сказало смущенным голосом: — Я не ожидал гостей сегодня, иначе бы подстригся. Но ты говоришь так, словно тебя беспокоит нечто большее, чем новые листья. У Гарри было миллион вопросов к дереву, но, проведя немало времени в мире волшебников, он научился скрывать свое смущение. Он направил конкретную мысль в сторону дерева: — Что ты такое? — мысленно спросил он. Гарри напрягся, готовый бежать при первых признаках ментального вторжения, но дерево не вело себя так, будто в его лесу было что-то необычное в птицах-телепатах. — Я бы задал тебе тот же вопрос, — воскликнуло дерево. — Я, может, и постарел, но помню «Повествование о живых существах» так же хорошо, как и любой энт. Меня зовут Брегалад, юный. — Меня зовут... — Гарри запнулся. Гарри Поттера знали ведьмы и волшебники, еще до того, как он смог произнести свое имя. Гарри устал от ожиданий, а здесь он выглядел как существо, не имеющее никаких ожиданий. Он решил вернуться к прозвищу, которое ему дали после первого превращения в анимага. — Затмение, — сказал он. — Меня зовут Эклипс. Гарри проговорил с Брегаладом до самой ночи. К сожалению, не потому, что узнал больше о «Среднеземье», о котором дерево упомянуло вскользь, а потому, что знакомство затянулось. Гарри наблюдал, разрываясь между восхищением и скукой, как с одной из веток Брегаллада слетает листок и медленно кружится по земле, а энт тщательно подбирает следующее слово в своем предложении. Но чем меньше он узнавал, тем более плачевным казалось его положение. Ведь Брегалад хорошо знал волшебников — всех. Судя по всему, во всем мире их было всего несколько человек. У Гарри возникло ужасное, тонущее чувство в желудке. Никогда еще Хогвартс не казался таким далеким. На следующее утро Гарри проснулся с пронзительной головной болью. Он пошевелился и тут же проснулся, осознав, что двигаются не ноги, а когти. Почему он оказался в форме феникса? Он медленно открыл глаза, вглядываясь в густой лес деревьев, раскинувшийся перед ним. Справа от него раздался глубокий, гулкий звук. Он медленно повернул голову и увидел лицо, казалось, вырезанное на дереве рядом с ним. Брегалад. Глаза энта были закрыты, и он тихонько похрапывал во сне. Все снова нахлынуло на него: напавшие на него существа, которые, по словам Брегаллада, должны были быть орками, и заключившие его в темницу светлые существа, которых он называл эльфами. И то, что Гарри был до мозга костей уверен, что он больше не в том мире, и не знал, как вернуться назад. У него была одна идея, но он не думал, что она сработает. Закрыв глаза, Гарри мысленно представил себе Хогвартс, думая только о древнем камне и о том, что замок кажется живым, наполненным магией. Он сосредоточился на всех воспоминаниях, связанных с Хогвартсом, на всем, что делало его домом для него. Затем он повернулся и нырнул в тень. И тут же вскрикнул от боли, врезавшись в дерево. Ствол остался в тени, но дерево было твердым. Гарри снова закрыл глаза, представляя себе Хогвартс, и снова шагнул к тени. Его голова прижалась к твердой коре. Он вздохнул. Он думал, что так и должно быть. Он думал об этом, прежде чем погрузиться в беспокойный сон несколько часов назад, задаваясь вопросом, как он вообще здесь оказался. Он думал о том месте, куда обычно прыгал в Запретном лесу, но вполне возможно, что его мысли переключились на любой лес, и магия привела его в самое близкое к

нему место. Он снова закрыл глаза и вспомнил промозглую комнату, в которой проснулся вчера. Он почувствовал, как кора отталкивается от его тела, напрягся – всегда было труднее преодолевать большие расстояния, – но тут реальность оборвалась, и он провалился в тень. В комнате из грубого камня мгновенно возник черный феникс. От него исходил резкий запах разлагающихся тел. Коридор все еще освещался факелами, но их пламя уже потухало, в нем почти закончилось масло. Тени плясали внутри комнаты, где дверь оставалась распахнутой и забытой. Гарри изо всех сил старался разглядеть в неясном свете, ища подсказку, как он здесь очутился. Пол оставался гладким и бесплодным, не обращая внимания на его отчаянные поиски. Здесь был деревянный стол с тяжелыми оловянными кубками на нем и два опрокинутых стула, которые лежали на боку. Несколько бутылок валялись на полу боком, поверх небольшой лужицы жидкости. Гарри просидел там несколько часов, пытаясь в момент абсолютного отчаяния перепрыгнуть обратно в Хогвартс, потом в Бэрроу, потом даже на Прайвет-драйв, номер 4. Но он так и застрял в этой затхлой комнате и в конце концов пришел к выводу, что в ней нет ничего особенного. С тяжелым сердцем он вернулся в лес и прыгнул. Ни на следующий день, ни через день ему не повезло. Гарри нужны были идеи, но, к сожалению, они были на исходе. Он снова столкнулся с Брегаладом и спросил его о магических библиотеках или таинственных местах. Энт направил его в близлежащую крепость Изенгард. Гарри несколько недель рыскал по башне в поисках хоть какой-нибудь полезной информации, но не нашел ничего, что могло бы относиться к его затруднениям. В конце концов весна перешла в лето, а затем в осень. Воздух стал холоднее, на кончиках кустистой бороды Энты из красных и оранжевых листьев появился иней. Гарри все реже посещал Изенгард. Он не мог справиться с неизбежным разочарованием и отчаянием от того, что не смог найти ничего, что могло бы ему помочь. Гарри все чаще обретал покой в образе феникса. В этом облике чувства его притуплялись, жизнь казалась проще, словно сама по себе. Он крепко сдружился с Брегаладом, древесным духом, чьи знания о Лесу и событиях Средиземья были безграничны. Месяцы текли один за другим, и Гарри привыкал к медленным, полным пауз и тягучих звуков рассказам энты. Порой ему казалось, что он почти понимает шелест листьев и скрип веток, словно они сами повествуют о тайнах леса. Но не все истории Брегалады были мирными. Он поведал Гарри о недавней битве с орками, о белом волшебнике, павшем во тьму, об эльфах, что жили на севере и пели деревьям забытые песни. Жизнь Гарри Поттера, казалось, осталась далеко позади. После осознания, что он оказался не на Земле, его охватила почти безвыходная тоска. Оклюменция вновь стала его спасением, позволяя спрятать еще больше эмоций за все более непроницаемыми щитами. Пребывание в форме феникса тоже приглушало его чувства. Вписавшись в ежедневный ритм полетов, слушая рассказы о деревьях и других живых существах, Гарри почти убедил себя, что не скучает по прежнему миру. Только с наступлением вечера, когда солнце скрывалось за горизонтом, Гарри становилось труднее притворяться, что все хорошо. Сны его мучили кошмарами, пока он не начал упорно запирает и эти воспоминания в хранилище души. Дни шли своим чередом, неспешно и размеренно, и Гарри постепенно привыкал к новой жизни. Наступила зима, покрыв землю морозным покрывалом. Затем теплый южный ветер принес с собой первые признаки весны, пробудив землю от зимнего сна. Когда весна уступила место лету, кошмары перестали мучить Гарри, и он окончательно освоился в Средиземье. Надежду вернуться в свой мир, снова сжать в руке палочку, он уже почти потерял. Однажды он попытался вернуться в Дол-Гулдур, используя прыжки в тени, но там ничего не осталось. Эльфы тщательно очистили это место от орков. Лотлориен он не знал, где находится, и мысль пробраться в эльфийскую крепость, чтобы забрать свою сломанную палочку, уже не казалась такой привлекательной, как раньше. — Нет, я могу привыкнуть к одинокой жизни здесь, — решил он. — Мне надоело сражаться, надоело скорбеть. Феникс Эклипс не любит ничего, кроме солнечного дня и сочных ягод.